

Николай Успенский

Хорошее житье

Николай Успенский
Хорошее житье

«Public Domain»

1871

Успенский Н. В.

Хорошее житье / Н. В. Успенский — «Public Domain», 1871

«Целовальник с подстриженной бородкой, одетый в синюю суконную чуйку, распахнувшись и упершись левой рукой в свое колено, сидел за столом против своего приятеля, низенького мещанина, который пристально смотрел ему в лицо и курил трубку. Дело происходило за двумя бутылками пива...»

© Успенский Н. В., 1871

© Public Domain, 1871

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Николай Васильевич Успенский

Хорошее житье

Целовальник^{1} с подстриженной бородкой, одетый в синюю суконную чуйку^{2}, распахнувшись и упершись левой рукой в свое колено, сидел за столом против своего приятеля, низенького мещанина, который пристально смотрел ему в лицо и курил трубку. Дело происходило за двумя бутылками пива.

– Да, братец ты мой, такой жисти, кажись, не будет супротив той, как я служил целовальником в Покровском... Нет!..

– Ты ведь перва был приказчиком у какого-то купца?

– Как же, как же... три года выслужил в Ливнах.

– Ну, а как торгашом-то сделался?

– Попросту: стало быть, сказать тебе по секрету, у хозяина поддели на Егорьев день^{3} пудов шесть сахара, чистого рефинаду.

– Вот как! и сделался торгашом?

– И сделался торгашом. Да что! должность самая пустая эта, Иван Иваныч. И какой случай, сударь мой: прихожу опосле к одному купцу пайматься, в сидельцы, – «нет, говорит, мне таких не надо». А хозяин, тресни его бока, все расписал про меня; вся причина, толстобрюхой вникнуть не мог, как было дело: воровал-то не я, значит, а товарищи; я только принимал. Прихожу к другому, тот говорит: «Не надо!» Бился, бился, так приписался в торгаши. Что сделаешь! Ближко локоть, да не укусишь.

– Эвто точно...

– Бывало, едешь, едешь с горшками али с дегтем, смехота, ей-богу!.. орешь, хочь бы те на грош кто купил. К примеру, в рабочую пору: в целом селе ни души. Горланишь: «Соли, дегтю, табаку, мол, лежит баба на боку». Хоть что хочешь делан! ей-же-ей... индо горло распухнет кричамши. На твое зеванье только собаки вякают.

– А никак, Андрей Фадеич, тут прибаутки какие-то читают! Мне их не приходилось знать.

– Есть и прибаутки, там: «Ей тетки, молодки – охотницы до водки, старые старухи – охотницы до сивухи...» Мало ли! Да все пустое, Иван Иваныч. Я б, кажется, теперича не взял тысячи рублей ездить опять по деревням да распевать эти прибаутки. Вот целовальничья жизнь! ай лгали!.. надо прямо говорить.

– За что тебя сменили?

– Вспоминать не хотца! (целовальник шепчет на ухо мещанину): то есть в моем кабаке убийство приключилось... ну и...

– М-м...

– Да я не роблю; разве я роблю? У меня опять будет место, целовальничье же, и скорехонько.

– В Запиваловке?

– В Запиваловке. Говорят, кабак не плоше нашего Покровского... пьяниц довольное множество.

– А видно, хорош был кабак в Покровском? Расскажи-ка мне что-нибудь про него.

^{1} Целовальник – продавец вина в казенном питейном доме (кабаке).

^{2} Чуйка – длинный кафтан халатного покроя.

^{3} Егорьев день (он же Юрьев день) – 23 апреля (весенний), 26 ноября (зимний) по ст. ст.

– Одолжи-ко мне своей трубочки... что-то в горле першит. Год назад я хам сидел. Слободка порядочная; народ все однодворцы^{4}, такие забубённые головы... люди важные! Вся причина, Покровский народ пить здоров. – Уж как пойдет пьянствовать – держись шапка. Оттыкай бочки!.. жену пропить готов совсем с утварью. И житье, Иван Иваныч, было расчудесно: благоприятели, мужики-то... Вот сказывают целовальники, что на больших дорогах, говорят, на хлеб не добудешь... а тут знай разевай пошире рот... Оно хоть и сменили меня, не замай! лучше авось не сыщут. Ноне кто живет по чести? бают: «Своя рубашка к телу ближе». Так ли?

– Подлинно, Андрей Фадеич.

– Как же можно? Да ты, братец мой, рассуди: теперича идет мужик в кабак, несет он, положим, полушубок али везет телегу, телега новая, колеса шинованные, недавно обтянул, просит: «Дай ведерку!..» Ну с чего же не дать? и-их! По мне, вещь ли хорошая, деньги ли, статья одна: что в лоб, что по лбу, все едино! Перва-наперво я, как только поступил в кабак, тоже почеремонился, не хотел брать... Приводит мужик теленка, – говорю: «Ты отвяжись от меня лучше... здесь кабак, не скотный двор». Он вдруг на меня: «Да ты что ж куражишься? первый ты у нас, что ли? законодатель, вишь, пришел; до тебя небойсь жил целовальник, не токмо телят, лошадей принимал». Точно, принимал лошадей. Думаю: «Что же?..» – и пошел с того времени, да как пошел... хе, хе, хе... благодарствуют мужики... кланяются, кричат: «Отец!», – примутся иную пору обнимать, ей-богу! «Вот так боготворитель, вот защититель! отцов таких мало...» Смотрю на них, смеюсь...

Сидишь иногда эвтак, помышляешь: что значит поставить кабачок-то родной в селе, что твой улей с медком; ишь льнут!.. со всех сторон; отбою нет... завсягда народу злей, чем па ярмарке. Поди же в поле, на большой дороге... разя уж стыдь^{5} загонит какого проезжего, и тот – выпил шкалку, косушку^{6} много, закусил крендельком и марш вон: ты жди.

И такое диво, Иван Иваныч: наш священник раз до трех пытался снести кабак в сторону, подальше от села: говорит, на церковной земле стоит, помнишь, истребить задумал пьянство и подавал куда-то прошение – нет! о сю пору стоит себе, дескать, мне и тут хорошо... Как следует быть, приезжали судьи, мерили землю (в акурате у меня попили). Говорят священнику, Лександром его звали, Погожев прозывался: «Дело твое, бачка, маленько с хвостиком; кабак на пол-аршина стоит от церковной земли; законное он место занимает». Бачка и остался, кабысь несолоно хлебал. Опосле почал в церкви гласить проповеди, увещает мужиков: «Что вам, православные, кабак-то, сласть какая, что ли?» Мужики слушают...

Вспомнил я про одного мужичонка, пьяница был, оторви голова! и плутина... бесперечь сидит на своем крыльце, выжидает: как бы где ломануть?.. с кабака глаз не сводит. Кабак же, надобно тебе сказать, стоял на самом на юру, ровно среди улицы. В тихую погоду я возьму нарочно выдвину из сеней бочки, что были с вином, всполсну их, да с боку на бок переворачиваю, и-и-и запах идет... а мужик сидит...

Одна в воскресенье заблаговестили к обедни, тронулся народ, эв тот мужик тоже: честь честью вышел из двора, снял шляпу, перекрестился и бредет, словно к обедни. Отошел чудок, да как вдарится к кабаку и прилетел, говорит: «Давай скорей!» – вынимает подпояску. Смотрю, дверь отворилась, бежит его жена, цап его за виски, кричит: «Вор, мошенник, куда те родимец занес?». Схватила его, давай куделить... Сама ведет вон. Меня смех так и разбирает. Что же? убежал-таки. Ну мы с мим тут посмеялись порядком; говорит: «Баба дура, нешто она понимает!..»

^{4} *Однодворец* – государственный крестьянин особой группы, занимавшей промежуточное положение между крестьянами и мелкопоместными дворянами.

^{5} *Стыдь* – стужа (обл).

^{6} *Шкалка* (шкалик), *косушка* – кабацкие меры вина, водки.

Главная вещь, доложу тебе, кабачок был самою что ни на есть благостынею, истинно тихая пристань. По этому случаю он не токмо что для выпивки находился, а как палата какая. Там и суд, и питра, и все: уж ежели задумали порешать какое дело, сейчас все гурьбой идут к кабаку, почему что нет места тоже; чувства такого нет в другом месте. У них, знаешь, всеми вещами орудует ихняя сходка. Сходку собирает староста: с прутиком, понимаешь, расхаживает; за ним дела больше никакого нет. По правде сказать, пустая башка. А повыше там есть еще начальство: писарь, старшина, голова. Эвти жили не в нашем селе, а верст за пять, в деревне Анишине: в Анишине опять есть кабак и гульба такая же, как у нас: вчастую сам голова сбегает мужиков к кабаку, на ихний счет нарежется и растянется; а мужики над ним песни поют; голова только бормочет: «Хорошенько, ребята!» Наша сходка почесть никогда не обращалась к начальству, кроме как ежели убийство, пожар сотворится где; сами все обдывали. Да ведь, поди, к примеру, покража учинилась, поди проси голову: сперва надо его небойсь упоштывать, – упоштвуй; а там он пошлет к старшине; эвтого тоже падыть уботворить; а там привяжется писарь – ему... Да неизвестно, пойдет ли дело в ход; а то правого и виноватого отхолят, и ступай, почесывай спину: «Ты, дескать, не воруй, а ты не разевай рот, не беспокой начальство». Что и толковать! А вот сами миром, собором... лучше!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания